

УДК 347.6

DOI 10.52928/2070-1632-2022-61-6-128-133

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

С.О. РУБЦОВА, канд. юрид. наук, доц. **Н.А. БЕСЕЦКАЯ**
(Полоцкий государственный университет)

Снежана Рубцова ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9583-1100>

Наталья Бесецкая ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2167-1917>

Статья посвящена исследованию правовых основ суррогатного материнства как метода вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Беларусь и странах Европейского Союза. На основе выделенных моделей правового закрепления норм о суррогатном материнстве страны-участницы Европейского Союза разделены на три группы. В рамках каждой группы выявлены особенности регулирования традиционного и гестационного суррогатного материнства, возмездных и безвозмездных договоров суррогатного материнства, правового статуса суррогатной матери и генетических родителей, действия презумпций материнства и отцовства и др. Отмечаются положительные и отрицательные аспекты, выявляются тенденции развития зарубежного законодательства. Дается оценка эффективности отечественного законодательства о суррогатном материнстве. Формулируются предложения, направленные на его дальнейшее совершенствование.

Ключевые слова: *вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, суррогатная мать, генетические родители.*

Введение. Рождение детей является одним из важнейших предназначений человека. Для государства и общества здоровье населения, в том числе и репродуктивное, должно рассматриваться в качестве наиболее ценного достояния. В настоящее время примерно каждая пятая супружеская пара обращается к медицинской помощи в связи с бесплодием. В связи с этим острым вопросом с точки зрения государственного регулирования встает проблема стабилизации численности населения. На преодоление негативных проявлений демографической ситуации в стране направлены методы вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ). Однако рождение ребенка в результате применения ВРТ, порождает ряд проблемных вопросов, в том числе связанных с установлением его происхождения, действием презумпций материнства и отцовства, тайной генетического происхождения ребенка и др. Следовательно, реализация права на материнство и отцовство в таких случаях может осложняться рисками объективного и субъективного характера.

Установление происхождения детей, рожденных с применением ВРТ, входит в противоречие с действующей концепцией родства, поскольку оно уже не может определяться исключительно как генетическое. Наиболее явно это прослеживается при применении суррогатного материнства. Вследствие этого, перед государством возникает важнейшая задача – обеспечение надежной правовой основы для таких технологий, а также регулирование правовых последствий их использования. Для адекватного осмысления различных правовых аспектов применения суррогатного материнства, как одного из методов ВРТ, необходимо обратиться к опыту зарубежных государств.

Доктринальная разработка правового регулирования суррогатного материнства среди отечественных авторов не получила должного внимания. В 2011 г. была защищена кандидатская диссертация Н.С. Байборошей, посвященная вопросам суррогатного материнства в международном частном праве¹. В частности, данный автор проследил закономерности правового регулирования указанного института в различных странах, специфику его правового регулирования в случаях, когда такие отношения осложнены иностранным элементом. Особенности правового регулирования договора суррогатного материнства в законодательстве стран-участниц СНГ, установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, в своих публикациях исследует В.В. Шилко. Вместе с тем, в большей мере различные аспекты института суррогатного материнства стали предметом широкого количества работ российских авторов, таких как: С.П. Журавлева, Е.Г. Малиновская, Е.С. Митрякова, Е.В. Стеблева, А.А. Пестрикова и др. Помимо этого, следует отметить и публикации авторов дальнего зарубежья, в частности: Л. Брюнет (L. Brunet), Р. Каур (R. Kaur), И. Г. Коэн (I. G. Cohen), Т. Маккей (T. Mackey), А. Шапиро (A. Shapiro) и др.

Цель представленного исследования – выявление на основе применения метода сравнительного правоведения тенденций и эффективности правового регулирования института суррогатного материнства в Республике Беларусь и странах Европейского Союза (далее – ЕС).

Основная часть. Стремительное развитие в последней четверти прошлого века медицинских технологий привело к появлению новых методов лечения бесплодия. Однако для суррогатного материнства в современном понимании потребовалось совершенствование таких технологий, как искусственное и экстракорпоральное оплодотворение. Впервые успешный опыт применения суррогатного материнства был зафиксирован в США. При

¹ Байбороша, Н.С. Суррогатное материнство в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 02.00.03 / Н.С. Байбороша ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 23 с.

этом в период с 1976 по 1987 гг. в США родилось примерно 600 детей от суррогатных матерей, а в период с 1987 по 1992 гг. число детей, рожденных с помощью данного метода ВРТ, значительно увеличилось – приблизительно на 5 тысяч². Тем не менее широкое использование данного метода ВРТ вызвало острую дискуссию, как в академической среде, так и среди практиков относительно его оправданности с религиозной, морально-этической, медицинской и правовой точек зрения. Так, большинство религий и религиозных организаций выступают против данного метода лечения бесплодия, поскольку он подрывает устои брака как одного из главных религиозных таинств, когда, кроме того, фактически ребенок рассматривается в качестве объекта договора. С морально-этической точки зрения авторы видят в суррогатном материнстве пример «"опасного" участия прагматической идеологии в материнстве», когда превозносятся технологии на фоне недооценки их возможного разрушительного воздействия на материнство, стирая границы между техногенным и естественным [1, с. 91, 95]. Аморальным считается также и то, что отношения, возникающие при суррогатном материнстве, строятся на коммерческой основе, ведущей, по мнению сторонников данного взгляда, к фактической торговле людьми, эксплуатации бедных женщин богатыми супружескими парами и т.п. Однако либеральные подходы подчеркивают необходимость и государству, и закону оставаться нейтральными по отношению к конкурирующим моральным стандартам, опираясь, в том числе, на принцип Джона Стюарта Милля, согласно которому только вредные действия должны быть запрещены законом, и что в конечном итоге человек суверенен над своим телом и разумом³.

В законодательстве зарубежных стран вопрос о применении суррогатного материнства решен далеко неоднозначно. Многие страны полностью запрещают данный метод ВРТ или же ограничивают его применение. В научной доктрине, как правило, предлагается разделить страны в зависимости от подхода к правовому регулированию данного института на три группы. В рамках настоящего исследования интересным, представляется проследить, каким образом подходят к вопросам правовой регламентации суррогатного материнства страны-участницы ЕС. Однако, прежде всего, следует отметить, что на уровне ЕС не выработан единый региональный акт, направленный на унификацию законодательства в данной области. Вследствие этого, нормативная база отдельных стран существенно различается.

Первую группу представляют страны, в национальном законодательстве которых введен запрет на применение суррогатного материнства (Болгария, Франция, Германия, Италия, Швейцария, Португалия, Хорватия, Мальта). В Германии составом уголовного преступления рассматривается любая попытка «осуществить искусственное оплодотворение женщины, готовой отказаться от своего ребенка после его рождения (суррогатной матери), или имплантировать ей человеческий эмбрион». Так, в соответствии со ст. 227-13 Уголовного кодекса Франции уголовную ответственность влечет «добровольная замена матери, в том числе симуляция или сокрытие беременности, которое совершено с целью изменения личного статуса ребенка» либо попытка совершить подобное деяние, что наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом в размере 45000 евро [2, с. 250–251].

Верховный апелляционный суд Франции постановил, что суррогатное материнство нарушает положение о неотчуждаемости человеческого тела и противоречит законодательству об усыновлении⁴. Вместе с тем наказание несет врач, а не предполагаемые родители и суррогатная мать [3, с. 39]. В свою очередь, ст. 1 Конституции Германии «защищает человеческое достоинство как неприкосновенное и обязывает всю государственную власть обеспечивать уважение и защиту человеческого достоинства»⁵. Гражданский кодекс Германии традиционно определяет мать как «женщину, которая родила»⁶. Когда немецкие пары пользуются услугами суррогатных матерей за границей и позже пытаются перевезти рожденных таким способом детей в Германию в качестве граждан, суды отказываются признавать их в качестве граждан Германии. Чтобы решить вопрос с правовым статусом детей, рожденных при применении суррогатного материнства, в законодательстве предусмотрена возможность их усыновления через Центральное агентство по усыновлению. Позволив парам официально усыновлять своих детей, рожденных в результате применения суррогатного материнства за территорией Германии, до того, как они будут въезжать в страну в качестве немецких граждан⁷. В п. d) ч. 2 ст. 119 Конституции Швейцарии установлено, что «пожертвование эмбрионов и все виды суррогатного материнства недопустимы» [4, с. 28–29]. До 2004 г. в Италии вопросы применения суррогатного материнства не регулировались на законодательном уровне. Однако затем был принят Закон 40/2004, который установил запрет на его использование. Кроме того, все договоры суррогатного материнства в соответствии с ним являются недействительными на основании ст. 132 Гражданского

² Kaur, R. Surrogate motherhood social and legal aspects // Shodhganga. URL: <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/54478>.

³ Comparative study on the regime of surrogacy in the EU member states [Electronic resource] / L. Brunet [et al.]. – Brussels, 2013. URL: http://eprints.lse.ac.uk/51063/1/libfile_REPOSITORY_Content_Davaki%2C%20K.Comparative%20study%20regime%20surrogacy_Davaki_Comparative_study_regime_surrogacy_2013.pdf.

⁴ Мошкович, Ю.И. Морально-этические вопросы правоприменения суррогатного материнства [Электронный ресурс] // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2013. – № 7, ч. 3. URL: <https://research-journal.org/law/moralno-eticheskie-voprosy-pravoprimeniya-surrogatnogo-materinstva>.

⁵ Конституция Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс] // Юридическое агентство Legal NS. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>.

⁶ German Civil Code [Electronic resource] // Faculdade de Direito – Universidade de Lisboa. URL: <http://www.fd.ulisboa.pt/wp-content/uploads/2014/12/Codigo-Civil-Alemao-BGB-German-Civil-Code-BGB-english-version.pdf>.

⁷ DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199975099.001.0001>.

кодекса Италии и не имеют юридической силы, поскольку закон рассматривает их противоречащими государственной политике. Более того, предусмотрена ответственность от 3 месяцев до 2 лет в тюрьме и (или) штраф в размере от 600 000 до 1 млн евро для тех, кто организует, продвигает или рекламирует суррогатное материнство в Италии. Помимо этого, итальянские граждане лишены права выезжать за границу для применения услуг суррогатного материнства⁸.

Вторую группу составляют страны, где суррогатное материнство не регулируется законодательством, но фактически имеет место (Австрия, Бельгия, Венгрия, Дания, Испания, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Швеция, Чехия, Эстония). Тем не менее в настоящее время в парламенте Бельгии обсуждается законопроект, касающийся вопросов суррогатного материнства⁹. В соответствии с Законом «Об экстракорпоральном оплодотворении» в Нидерландах разрешено гестационное суррогатное материнство на некоммерческой основе, которое должно осуществляться в соответствии с принятыми голландским Обществом акушерства и гинекологии (the guidelines of the Dutch Society for Obstetrics and Gynaecology) принципами. В законодательстве Нидерландов также решается вопрос о гражданстве генетических родителей, в частности генетическими родителями могут быть только граждане данного государства [5, с. 302–303]. В Шведском законодательстве не предусмотрен прямой запрет на заключение договоров суррогатного материнства. Вместе с тем в литературе высказывается мнение о том, что согласно действующему шведскому законодательству существует подразумеваемый законодательный запрет на суррогатное материнство. В частности, это косвенно вытекает из раздела 3 главы 7 Закона «О генетической неприкосновенности» (the Genetic Integrity Act), в соответствии с которым ВРТ возможно только в том случае, если один из будущих родителей генетически связан с ребенком. Поскольку женщина, рожающая ребенка, также должна быть одним из потенциальных родителей, это положение, по сути, запрещает использование ВРТ для облегчения суррогатного материнства. Кроме того, законодательство Швеции разрешает применение методов ВРТ и суррогатного материнства, в частности, только по отношению к супружеским парам, но не одиноким женщинам¹⁰.

К третьей группе стран относятся те страны, где суррогатное материнство разрешено на законодательном уровне (в частности, Великобритания и Греция). Так, национальное законодательство Великобритании допускает применение как традиционного (частичного), так и гестационного суррогатного материнства [5, с. 348–349]. Поскольку в Великобритании суррогатное материнство регулируется *ex post facto*, законодательством не установлены требования относительно возраста и семейного положения суррогатной матери, а также применения данного вида ВРТ только в случае признания женщины бесплодной, не способной самостоятельно выносить и родить ребенка. Закон 2008 г. «Об искусственном оплодотворении человека и дальнейшем развитии эмбриологии» (Human Fertilisation and Embryology Act) не регулирует суррогатное материнство, руководствуясь по этому вопросу содержится в Кодексе практики для медицинских работников. При этом в законодательстве не предусматриваются требования к состоянию здоровья генетической матери, т.е. чтобы она была способна по медицинским показаниям к успешной беременности и родам, но медицинскому работнику предоставлено право потребовать установления такого состояния, прежде чем согласиться на применение данного метода ВРТ [5, с. 58, 60].

В Греции разрешено только гестационное суррогатное материнство и особое внимание уделяется правовому регулированию суррогатного материнства *ex ante* [5, с. 41, 348–349]. Реализация рассматриваемого метода вспомогательных репродуктивных технологий допускается только при наличии разрешения суда и на основе договора суррогатного материнства (ст. 1458 Гражданского кодекса (далее – ГК)). При этом в греческом законодательстве применяются два термина: «вынашивающее материнство» (*carrying maternity*) и «замещающее материнство» (*replaced maternity*). Первый термин относится к ситуации, когда женщина (родственница, подруга или незнакомка) предлагает перенести в её матку эмбрион, полученный *in vitro* из гамет пары (заявительница или цессионарий). В литературе отмечается, что это также можно рассматривать как «заем» или «аренду матки». Второй термин касается ситуации, в которой женщина предоставляет свои яйцеклетки, и матку. Женщина рождает ребенка третьей стороне, от которого он был «заказан». На самом деле, вторая ситуация запрещена греческим законодательством, однако «аренда матки» разрешена: «Передача оплодотворенных яйцеклеток другой женщине и ее беременность допускается с разрешения суда, если до передачи существует письменный договор между лицами, желающими иметь ребенка, и суррогатной матерью, при условии, что последняя также состоит в браке. Разрешение суда выдается после подачи заявления женщиной, желающей иметь ребенка, при условии, что она по медицинским показаниям не способна зачать ребенка» (ст. 1458 ГК Греции)¹¹. Так, право на обращение

⁸ Torres, G. A review of surrogate motherhood regulation in South American countries: pointing to a need for an international legal framework [Electronic resource] / G. Torres, A. Shapiro, T. Mackey // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/330691317_A_review_of_surrogate_motherhood_regulation_in_south_American_countries_Pointing_to_a_need_for_an_international_legal_framework.

⁹ См. сноску № 3.

¹⁰ Pikramenou, N. Reproductive Tourism in Europe [Electronic resource]: Legal and Ethical Issues. The cases of Sweden and Greece: [thesis European Master's Degree in Human Rights and Democratisation] ; The Uppsala University. – 2013–2014. – URL: https://docviewer.yandex.by/?tm=1653775806&tld=by&lang=en&name=2014_Pikramenou-Nicole_Reproductive-tourism.pdf&text=Pikramenou%2C+N.+Reproductive+Tourism+in+Europe&url=https%3A//www.constitutionalism.gr/wp-content/uploads/2014/08/2014_Pikramenou-Nicole_Reproductive-tourism.pdf&lr=26030&mime=pdf&l10n=ru&sign=787dd4182d707432cc843fae6188fef4&keyno=0.

¹¹ DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2011.07.024>.

в суд за данным разрешением имеет только фактическая мать при наличии у неё медицинского заключения, подтверждающего, что она бесплодна и (или) существует риск передачи ребенку серьезного наследственного заболевания (например, анемия) (ст. 1455 ГК Греции). В законодательстве Греции предусмотрено, что суррогатная мать обязана пройти не только медицинское обследование, но и тщательную психологическую проверку. При этом законодательством устанавливается предельный возраст матери – не более пятидесяти лет. Согласно ст. 1456 ГК Греции, право на применение методов ВРТ наделены только супружеские пары и одинокие женщины. В свою очередь, единственным требованием к суррогатной матери является медицинское заключение, подтверждающее, что она физически и психически здорова. Иные нормы, регламентирующие возраст, семейное положение, наличие ребенка, отсутствуют. В суд предоставляется договор суррогатного материнства, который составляется в письменной форме и подписывается фактической и суррогатной матерями, а также их супругами (при наличии таковых) [5, с. 282–287]. Таким образом, подписывая данный договор, стороны подтверждают свое согласие на осуществление суррогатного материнства, а также возникновение родительских прав у генетических родителей после рождения ребенка. Кроме того, в Греции, как и в Великобритании, допускается денежная компенсация только текущих расходов («reasonable expenses») суррогатной матери. Следовательно, суд проверяет соблюдение всех вышеназванных условий и утверждает договор суррогатного материнства [5, с. 289].

Вместе с тем в законодательстве стран-участниц ЕС правовой статус генетических родителей значительно ущемлен. В частности, в Великобритании в ст. 33 Закона 2008 г. «Об искусственном оплодотворении человека и дальнейшем развитии эмбриологии» (Human Fertilisation and Embryology Act) установлена презумпция материнства суррогатной матери, независимо от того где она находилась в момент имплантации эмбриона или инсеминации. Кроме того, здесь также действует презумпция отцовства мужа суррогатной матери, за исключением случаев, если он докажет, что не давал согласие на осуществление имплантации эмбриона или инсеминации его супруги. Родительские права у генетических родителей в отношении рожденного суррогатной матерью ребенка возникают только после получения «родительского ордера» («Parental Order»). Для получения данного ордера им необходимо в течение шести месяцев после рождения ребенка обратиться в суд с заявлением. Ордер выдается судом только при соблюдении ряда условий: во время подачи заявления на получение родительского ордера ребенок должен проживать с генетическими родителями, один из которых обязан иметь место жительства в Великобритании, на Нормандских островах или острове Мэн; заявителем на момент подачи заявления в суд должно быть не менее 18 лет и они должны состоять в зарегистрированном браке либо длительное время проживать одной семьей (одинокой женщине запрещается подавать заявление) [5, с. 58–61]. Наиболее значимым условием является наличие письменного согласия суррогатной матери на передачу рожденного ребенка генетическим родителям, которое может быть дано только через шесть недель после его рождения. При этом на момент подачи заявления место жительства ребенка должно находиться вместе с заявителями. Это означает, что ребенок по закону должен жить с лицами, которые не являются его законными родителями [5, с. 61]. Шведское законодательство применяет неписаную презумпцию материнства: *mater semper certa est* («мать всегда достоверно известна»). Это принцип римского права, имеющий силу *praesumptio iuris et de iure*, что означает, что против этого принципа не может быть выдвинуто никаких контрдоказательств. Очевидно, что матерью ребенка является женщина, родившая ребенка, т.е. суррогатная мать, а генетическая мать не имеет законного родительского статуса по шведскому законодательству на момент рождения ребенка¹².

Тем не менее в отдельных странах ЕС предпринимаются попытки повысить гарантии родительского статуса генетических родителей. Так, в ГК Греции в ст. 1464 предусмотрено исключение из принципа *mater semper certa est*, так как в случае гестационного суррогатного материнства предполагается, что матерью ребенка является та женщина, которая получает разрешение суда. Однако это исключение может быть применено только в том случае, если генетическая мать и суррогатная мать проживают в Греции¹³.

На волне более свободного регулирования отношений суррогатного материнства в отдельных странах (например, в Украине) и существующие запреты либо ограниченное правовое регулирование в отдельных государствах ЕС привело к появлению волны так называемого «репродуктивного туризма». Это, в свою очередь, также вызвало новую правовую проблему – признания родительских прав генетических родителей после возвращения с ребенком, рожденным суррогатной матерью, в страну своего гражданства. Так, по шведскому законодательству не имеет правового значения, где родился ребенок – в Швеции или за границей. Независимо от того, признается ли родительский статус генетической матери или нет в стране рождения ребенка, она не будет признана в качестве матери в Швеции, поскольку согласно шведскому законодательству материнство возникает после беременности. Кроме того, согласно Закону о гражданстве Швеции ребенок, рожденный за границей в результате суррогатного материнства, не является автоматически гражданином Швеции, даже если родители, заключившие договор, являются генетическими родителями ребенка. Ребенок приобретает шведское гражданство по рождению, если его мать является гражданкой Швеции. Например, в 2009 г. посол Швеции отказался выдать паспорт ребенку, рожденному в результате коммерческого суррогатного материнства в Украине, на основании того, что ребенок не является гражданином Швеции, а генетическая мать не подпадает под определение «мать». Кроме того, не защищает шведский закон и родительские права одинокой женщины, воспользовавшейся услугами суррогатной матери. Независимо от того, имеет ли она генетическую связь с ребенком или нет, она не может считаться матерью, поскольку не родила ребенка, поэтому она может только усыновить его в общеустановленном порядке¹⁴.

¹² См. сноску № 10.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Суррогатное материнство, являясь одним из ВРТ, в Республике Беларусь закреплено на законодательном уровне и занимает особое место. По официальным статистическим данным, на 100 тыс. населения уже в 2015 г. в Республике Беларусь было зарегистрировано приблизительно 155 случаев женского бесплодия и 22 случая мужского. Удельный вес бесплодных пар достиг 16%¹⁵. Первым нормативным правовым актом в Республике Беларусь, закрепившим институт суррогатного материнства, стал Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье»¹⁶ в результате принятия которого в Кодексе о браке и семье Республики Беларусь (далее – КоБС) была включена ст. 53 «Суррогатное материнство». В частности, были введены термины «суррогатное материнство», «генетическая мать», «суррогатная мать» и «генетический отец». Кроме того, устанавливались формальные основания возникновения правоотношений, связанных с суррогатным материнством, а также возникновения и прекращения родительских прав по отношению к ребенку, рожденному суррогатной матерью¹⁷. Предусматривая, что правоотношения между суррогатной матерью и генетической матерью регламентируются посредством заключения договора суррогатного материнства, ст. 53 КоБС отсылала к постановлению Совета Министров Республики Беларусь № 1470 от 4 ноября 2006 г. «О существенных условиях договора суррогатного материнства», в котором были определены существенные условия данного договора¹⁸.

Фактически на новый уровень вышло законодательное регулирование применения различных методов ВРТ с принятием 7 января 2012 г. Закона Республики Беларусь № 341-3 «О вспомогательных репродуктивных технологиях»¹⁹ (далее – Закон № 342-3). Параллельно были внесены и изменения в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье», в частности исключена ст. 53 КоБС²⁰. По сути, в действующей редакции КоБС суррогатного материнства касается только ст. 52, предусматривающая правила установления происхождения детей, рожденных в результате применения ВРТ. Иные основополагающие аспекты суррогатного материнства регулируются Законом № 341-3, в частности закрепляются: понятия «суррогатное материнство», «генетическая мать», «суррогатная мать»; условия и порядок применения суррогатного материнства; существенные условия договора суррогатного материнства; требования, предъявляемые к суррогатной матери, а также ее права и обязанности. Положения данного закона детализируются в постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 декабря 2019 г. № 124 «О вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий»²¹ (далее – постановление № 124). Так, постановлением № 124 утверждены Инструкции о порядке проведения медицинского осмотра пациента, в отношении которого предполагается применение ВРТ, в которой приводится перечень медицинских показаний к суррогатному материнству и медицинских противопоказаний к применению любых ВРТ²².

Таким образом, произошло серьезное изменение подхода к регулированию суррогатного материнства. Законодатель пошел по пути предметного специального регулирования указанных отношений в отдельном нормативном правовом акте. Такой подход, по нашему мнению, не является рациональным, поскольку Закон № 341-3 сосредоточен на правовом обеспечении отношений, связанных с лечением бесплодия посредством применения методов ВРТ. Однако необходимо отметить, что прежняя редакция ст. 53 КоБС не являлась безупречной, так как не определяла важнейшие аспекты института суррогатного материнства. Полагаем, более эффективным стало бы разграничение правового регулирования правовых и медицинских аспектов применения подобных методов, в том числе и суррогатного материнства. В частности, в КоБС следует закрепить: понятие суррогатного материнства, положения о договоре суррогатного материнства (существенные условия договора, права и обязанности сторон, случаи заключения договора на безвозмездной и возмездной основе, форма, условия действительности и недействительности договора суррогатного материнства, основания изменения и расторжения, ответственность суррогатной матери и генетической матери в случае невыполнения или нарушения условий договора и т.д.).

Заключение. Таким образом, обобщение законодательства стран ЕС позволило выделить три подхода к правовому регулированию суррогатного материнства. При этом отсутствует единый региональный акт на уровне ЕС, а состояние законодательства в данной сфере от государства к государству значительно отличается. Это проявляется и в том, что не везде суррогатное материнство как метод ВРТ разрешено. Кроме того, в странах-участницах ЕС, где данные отношения не запрещены, регулирование осуществляется, как правило, в различных нормативных правовых актах (в законах о здравоохранении, о ВРТ, гражданских кодексах и др.). Значительные расхождения выявлены и относительно закрепления гестационного и традиционного суррогатного материнства (на коммерческой и некоммерческой основе), что во многом предопределено религиозными, моральными, этическими аспектами. В отдельных государствах данные отношения регулируются исключительно либо *ex ante*, либо *ex post facto*. На этом фоне следует признать, что объем и качество правового регулирования рассматриваемого института в Республике

¹⁵ Красницкая, Л. С. Каждая шестая семейная пара в Беларуси бесплодна [Электронный ресурс] / Л. С. Красницкая // Охрана труда и социальная защита. – 2016. – № 5. – URL: <http://www.otsz.by/news/kazhdaya-shestaya-semejnyaya-para-v-belarusi-besplodna.html>.

¹⁶ Национальный реестр нормативных правовых актов Республики Беларусь. 2006. № 2/1261.

¹⁷ Рагойша, П.В. Новации брачно-семейного законодательства и их влияние на гражданское судопроизводство [Электронный ресурс] // Нац. ц-р законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. URL: <http://center.gov.by/publikatsii-robotnikov-tsentra/kommentarii-zakonodatel-stva/novatsii-brachno-semejnygo-zakonodate/>.

¹⁸ Национальный реестр нормативных правовых актов Республики Беларусь. 2006. № 5/24169.

¹⁹ Национальный реестр нормативных правовых актов Республики Беларусь. 2006. № 2/1893.

²⁰ Национальный реестр нормативных правовых актов Республики Беларусь. 2006. № 2/1894.

²¹ Национальный реестр нормативных правовых актов Республики Беларусь. 2019. № 8/35340.

²² Там же.

Беларусь опережает состояние законодательства многих стран-участниц ЕС, так как содержит положения, определяющие правовое положение их участников как до, так и после применения данного метода ВРТ. Действующий подход к установлению происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, в значительно большей мере создает надлежащие гарантии родительского статуса генетических родителей, а также самого ребенка.

Тем не менее, полагаем, позитивным следует признать практику отдельных стран-участниц ЕС, допускающих заключение договора суррогатного материнства на некоммерческой основе, а также устанавливающих необходимость психологической подготовки суррогатной матери, что может быть внедрено в отечественное законодательство. Возникновение явления «репродуктивного туризма» вызвало негативные последствия, выразившиеся в том, что многие государства уже столкнулись с правовыми проблемами, связанными с признанием прав генетических родителей и гражданства ребенка, рожденного суррогатной матерью за рубежом. В КоБС Республики Беларусь необходимо внести положения, касающиеся особенностей заключения договоров суррогатного материнства, осложненных иностранным элементом, а также установления происхождения детей, рожденных в таких случаях. Выявленные тенденции правового регулирования суррогатного материнства в ЕС и Республике Беларусь демонстрируют динамику развития общественных отношений в исследуемой области, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова, Т.Г. Угрозы материнству в российском обществе / Т.Г. Баркова // Вестн. ТвГУ. Сер. Философия. – 2017. – № 2. – С. 91–99.
2. Харламов, В.С. Суррогатное материнство: уголовно-правовой аспект // В.С. Харламов, П.А. Федоров // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегод. всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч., Санкт-Петербург, 18–19 мая 2021 г. / Санкт-Петерб. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации ; науч. ред.: Т.А. Огарь [и др.]. – СПб., 2021. – Ч. 1. – С. 249–254.
3. Тимофеева, Т.В. Суррогатное материнство в зарубежных странах: мировой опыт правового регулирования / Т.В. Тимофеева // Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом: сб. науч. тр. / Иванов. гос. ун-т ; ред.: Р.Г. Апсальмов [и др.]. – Новосибирск, 2017. – С. 38–40.
4. Плотникова, Е.С. К вопросу о конституционном закреплении репродуктивных прав и свободы репродуктивного самоопределения в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ / Е.С. Плотникова // Ex iure. – 2022. – № 1. – С. 22–32.
5. Comparative Study on the Regime of Surrogacy in EU Member States / L. Burnet [et al.] ; The European Parliament's Committee on Legal Affairs. – European Union, 2013. – 379 p.

REFERENCES

1. Barkova, T.G. (2017). Ugrozy materinstvu v rossijskom obshchestve. [Threats to motherhood in Russian society]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*. (2), 91–99. (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Kharlamov, V.S. & Fedorov, P.A. (2021). Surrogatnoe materinstvo: ugovovno-pravovoj aspekt. In Ed. by T.A. Ogar [et al] *Ugovovno zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra*. Saint Petersburg, (Pat. 1, 249–254). (In Russ.)
3. Timofeeva, T.V. (2017). Surrogatnoe materinstvo v zarubezhnyh stranah: mirovoj opyt pravovogo regulirovaniya. In ed. by R.G. Apsalyamov [et al.] *Aktual'nye problemy yurisprudencii v Rossii i za rubezhom*. Novosibirsk, (38–40). (In Russ.)
4. Plotnikova, E.S. (2022). K voprosu o konstitucionnom zakreplenii reproductivnyh prav i svobody reproductivnogo samoopredeleniya v zarubezhnyh stranah: sravnitel'no-pravovoj analiz. [On the issue of constitutional consolidation of reproductive rights and freedom of reproductive self-determination in foreign countries: a comparative legal analysis]. *Ex iure*, (1), 22–32. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Burnet, L., King, D., Carruthers, J., Marzo, C., Davaki, K. & McCandless, J. (2013). *Comparative Study on the Regime of Surrogacy in EU Member States*. The European Parliament's Committee on Legal Affairs. European Union,

Поступила 25.05.2022

LEGAL REGULATION OF SURROGACY IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE EUROPEAN UNION

S. RUBTSOVA, N. BESETSKAYA

The article is devoted to the study of the legal framework of surrogacy as a method of assisted reproductive technologies in the Republic of Belarus and the European Union countries. Based on the identified models of legal regulation of surrogacy, the European Union countries are divided into three groups. The specific features of regulation of traditional and gestational surrogacy, commercial and altruistic surrogacy contracts, legal status of surrogate mother and genetic parents, effects of presumptions of maternity and paternity, etc., are revealed within each group. The author notes the positive and negative aspects, identifies trends in the development of foreign legislation. The article provides an assessment of the effectiveness of the Belarusian legislation on surrogacy. The author formulates the proposals aimed at its further improvement.

Keywords: *assisted reproductive technologies, surrogacy, surrogate mother, genetic parents.*